

Притча

Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:
Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;
Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...
И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам,
И славным делам человека.
И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.
И бог помогал ему план поражал
Изяществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.
То правда, ввернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть убересть,
Что слишком широки размеры,
Но царь изменить не хотел ничего:
За всё я один отвечаю!..
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,
На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьёю в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устройтелем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый руина гнилая.
И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.
И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!
Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели и ждали...
Но вот уже полдень а их не зовут!
Безропотно ждут они снова;
Царь мимо проехал, вельможи идут
А всё им ни слова, ни слова!
И вот уже скучно им праздно сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть,
Их всё не зовут на работу!
Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:
О царь! ты прославишься в поздних веках,
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.
А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!
Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали ура!,

На нас же сурово взирали.
На площади Мира сегодня в ночи
Они совещались шумно...
Строение храма ты нам поручи,
А им доверять неразумно!..
Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...
И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвением, сдвигающим горы,
Связали пожитки свои и пошли,
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,
И целая треть не вернулась домой:
Иные в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,
Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм,
И втайне царю удивлялись.
Строители храма не плану царя,
А собственным целям служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,
И многое, втайне ликуя, спасли.
Задавшись задачею трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной.
В основе труда подневольного их
Лежала рутина не гений...
Зато было много эффектов пустых
И бьющих в глаза украшений...
Сплотившись в надменный и дружный кружок,
Лишь тех отличая вниманьем,

Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем,
Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело,
Советы обидой казались им,
Царю говорят они смело:
О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще неготовом!..
Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что ум хорошо, а два лучше!
Но смело нарушил жестокий закон
Один гражданин именитый.
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый.
Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;
По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О новом вине и о старых мехах
Напомнив библейское слово,
Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:
Отчизны врагом оказался старик
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком удин,
Казнил старика для примера!
И паника страха прошла по стране,
Всё головы долу склонило,
И строилось зданье в немой тишине,
Как будто копалась могила...
Леса убирают убрали... и вот

Готово! царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...
Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
Что неба достойным казалось?
Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою.
Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
Увы! он не встретил отрады!
Но всё ж в несказанной своей доброте
Строителям роздал награды.
И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...